
ЮМОР

Ася Михайловская (Кононкова)
(г. Могилев, Белоруссия)

Кононкова Елена Викторовна. Учитель русской словесности, прозаик и поэт. Финалист Международного литературного фестиваля «Пушкин в Бретани» — 2008, 2011 годов, победитель Международного мультимедийного фестиваля «Живое слово», обладатель Ордена «Живого слова» — 2011. Участник нескольких коллективных сборников поэзии и прозы. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» с 2013 года. Проживает в городе Могилеве.

БАЙКА ПРО ЖУРНАЛИСТА ГРИШУ — 1

Моя скромная персона никогда не волновала журналистов. Но когда я стала финалистом престижного международного конкурса и побывала в Лондоне, мне позвонил журналист и скромно представился:

— Я — Григорий,— дальше понеслась сочная «трясянка»,— мне про Вас Михась рассказывал, вы з яго жонкай Клавай у адной школе работаеце.

— Да, Клавдия — моя коллега,— а что случилось?

— Я тут ОНТ смотрел, Киселев про ваш конкурс рассказывал. Киселев пра абышто гаварыць ня будзе, значыць конкурс харошый, прязжайце да мяне, я буду пра Вас писаць.

Тщеславие мое возликовало, про меня никто никогда не писал, и поэтому я примчалась к Григорию в редакцию.

Григорий записал на диктофон мой поток сознания и предложил услуги литературного наставника. Я очень обрадовалась, так как у меня не было знакомых из местной творческой интеллигенции (не считая педагогов).

Через три недели вышла статья на целый разворот. В цветном варианте. С парой грамматических ошибок. С одной речевой и одной фактической ошибками. Я не знала, над кем будут хихикать коллеги с кафедры русского языка: надо мной или над Григорием. Потом решила, что виноват корректор и успокоилась.

Григорий позвонил и предложил «обмыть статейку». Общение с местной творче-

ской интеллигенцией входило в мои планы. Григорий назначил встречу у корчмы «Беларуски падворак». Но я не знала, где находится эта корчма. Григорий обиделся и сказал, что там весь цвет местной журналистики «збираецца». Я пообещала, что обязательно найду знаменитую корчму.

Гриша ждал меня с букетом белых хризантем. Меня передернуло, так как в моем представлении белые хризантемы используются на похоронах. Но Гриша успокоил рассказом о том, что белые хризантемы дарят только белорусские аристократы, и даже его дед бабке носил белые хризантемы. Я догадалась, что Гриша относится к белорусским аристократам.

В корчме порхали официанты — юноши и девушки в национальных костюмах. Такое я видела только на конкурсах художественной самодеятельности.

«Наверное, студенты из колледжа искусств подрабатывают», — подумала я.

— Будзем есць карпачча, тут смачнае карпачча, — изрек Григорий и зычным голосом позвал официанток в национальном камуфляже:

— Дзеваньки, сюды!

— Может капраччо? — поправила я

— Не, карпачча, па-беларуску — карпачча.

Потом я долго копалась в белорусско-русском словаре, но слова «карпачча» так и не нашла. Наверное, это что-то из лексики белорусских аристократов.

Выпив 100 граммов водки «Офицер», Гриша предался воспоминаниям. Я узнала очень много нового и интересного для себя. О том, что Григорий служил в армии на афганской границе и коренным образом повлиял на исход войны. Ему за заслуги офицерское звание присвоили. Кажется, капитана. А может быть, даже майора.

Потом работал в газете и тоже повлиял на политические события нашей страны, а именно: участвовал в восхождении на трон нынешнего правителя.

Я была очень рада, что судьба свела меня с историческим персонажем. У меня никогда не было таких знакомых.

Завязалась дружба. Общались мы по телефону. Я читала ему сочиненные стихи, а Григорий рассказывал о своих достижениях в области журналистики и литературы.

— Што у цябе за стихи? Хрэнь нейкая! — консультировал Гриша по телефону, — Не, не так нада писаць! Нада пра Родину писаць, пра прыроду. Схадзи у лес, абними бярозку и напишы, што адчуваеш. Ды так напишы, каб у мяне душа звярнулася и не развярнулася. Можа белачку сустрэнеш, альбо зайчыка. Аб гэтым тож напишы! Во! Тады я скажу, што ты — паэтэсса. А так ты — тьфу, а не паэтэсса! Тьфу!

Я даже по телефону слышала, как Григорий смачно плевался.

Предложенные Григорием образы зайчиков и белочек стойко ассоциировались у меня с падением белорусского рубля и гиперинфляцией. Милые, ни в чем неповинные белочки падали оземь и разбивались вдребезги, а пушистых зайчиков съедали злые волки.

— Гриша, я не хочу про белочек писать. Не мое это...

— Ага, не твае?..

Далее следовали непере译имые русские маты с белорусским акцентом. Так обычно ругался мой деревенский дед, когда просыпался после пьянки, а опохмелиться было нечем. Я догадалась, что Гриша, хоть и аристократ, но тоже страдает похмельным синдромом.

Я просто отключала телефон, так как очень уважительно отношусь к чужим страданиям.

Когда через пару часов я подключала мобильник, раздавался требовательный звонок Гриши:

— Я табе што, мальчик? Чаго трубку кидаш? — и, не дожидаясь моего ответа, Григорий продолжал:

— Я ж член Саюзу... цябе жызни вучу, трэба разумець, а ты не разумееш! Вось паслухай, над чым я зараз работаю. Я крымінальныя сводкі пишу, знакамлю народ с работой нашэй милицыи. Пра гаишников пишу. Гэта табе не стишки писаць! Думаць нада!

— Да, это непросто,— подтвердила я.

— А то,— воодушевился Гриша.— Дык и милицыя гэта панимае. Яны кожны год мне узнагароды даюць: два гады назад нагрудны знак отличия дали, у прошлым годзе — благодарность и денежную премию. Што в этом году дадут — не знаю, но нешта дадуць, бо не могуць не даць, я ж пра их усе пишу и пишу.

— Конечно, поощрят,— поддержала я Григория.

— А то! Там люди жизнь понимают. Не тое што ты!

Через пару месяцев Григорий опять осчастливил меня своим звонком:

— Зайди да мяне, пагаварыць нада. Нешта важнае.

Я как раз была в редакции у приятельницы-журналистки из газеты, конкурирующей с газетой Григория. Нужно было просто спуститься на один этаж.

— Сходи,— улыбнулась журналистка,— потом обязательно расскажешь.

Григорий озарил меня улыбкой фельдфебеля:

— Быстро ты! Сядай! ...Я партию арганізаваў... Хорошая партия... «Гэй, братки-славяне!»

— Там,— Гриша поднял указательный палец вверх,— в курсе, и грошы дали. Вступай — чалавекам станеш!

— Гриша, спасибо, за доверие, но я не вступаю ни в какие партии.

— Подумай, я абы-каго у сваю партию не заву.

— Гриша, нет!

— Малахольная ты, па конкурсам, фестывалям ездзіш, а толку? Тольки грошы на вецер кидаш. Писали, што ты апяць у Лондан едзеш? Фіналістка-паэтэсса?

— Да, Григорий!

— Тьфу! Ну, якая з цябе паэтэсса? Прачытаў я тваі стихи — абы-што пишаш. Нейкія хлопчыкі и дзевачкі страдаюць, ньюць. З жыру бесяцца, грошай много — во и страдаюць. Таких парней и дзевак , и цябе таксама — запрач у плуг замест камя — и падымайце сельскую гаспадарку!

И польза б была и страдаць бы перастали.

У меня не было слов, и я молчала...

— Чаго прымолкла? Тольки Грыша табе усю правду скажа. У Лондан не едзь, грошы няси сюды, мы табе сборник арганізуем.

— Гриша, на собственный сборник у меня еще нет материала, а в Лондоне издают сборник со стихами поэтов-финалистов, значит, и мои стихи войдут в сборник. И «грошы» у меня в Лондоне никто не требует.

Журналист почему-то разозлился:

— На Западе печатаешься, а про Родину забыла? Што, западныя мужыкі лучше?

— Гриша, я очень люблю Родину и соотечественников. У меня даже рассказ есть «История любви. К офицеру через Лондон».

— Дай пачытаць!

Я протянула рукопись Григорию... Гриша читал рассказ, улыбался и одновременно поправлял усы, смеялся и пытался прикрыть проплешины на голове оставшимися волосами.

— Ну, неплохо-неплохо. Общение со мной пошло на пользу.

— Спасибо.

Но вдруг Григорий вскочил со стула и вперил в меня злобный взгляд:

— Гэта ніхто не напачатае. Ты хочаш, каб мяне з работы прагналі? Ды за такіі рассказ и цябе з тваей работы выкінуць, и у твайго афіцера здзяруць пагоны...

— Гриша, не надо меня печатать, а в рассказе ничего крамольного нет.

— Все равно до Григория Ивановича *N*-ского тебе как до Киева раком,— Гриша показал свой сборник.— Вот она, настоящая проза. 15 лет писал.

— Поздравляю. Здорово!

Воцарилось молчание. Я знала, что у Григория была издана книга на белорусском языке. Но так как белорусский язык я знаю плохо, меня сей факт мало взволновал.

— Чаго скисла? Завидки бяруць? Чаму пачытаць не просишь?

— Я просто постеснялась. Гриша, дай, пожалуйста, прочитать свою книгу.

— А во табе! — Григорий показал мне фигу.— Многа вас таких папрашаек, а Гриша — адзин, усим не надаешся. Григорий Иванович *N*-ский — лучший прозаик в нашем регионе.

От шока я не знала, как себя вести: встать и уйти или сидеть дальше в апартаментах Гриши.

— Ня дуйся, гэта я жартую так. Можа и дам пачытаць сваю прозу, там видна будзе. Ка мне завтра хлопцы з Минску прыджаюць. Харошыя журналісты, як і я. Будзем замачываць мой сборник. У карчму прыйдзеш?

Я переваривала информацию. Еще пару хороших журналистов, подобных Грише,— и психика моя не выдержит, она и без того подорвана на ниве народного образования.

— Да, Григорий, я обязательно приду. Вы, главное, дождитесь меня...

— Ну, вось тады і сборник дам пачытаць. А можа, і падару, там видна будзе...

Выйдя из редакции, я отключила мобильник, а в ближайшем центре связи поменяла номер телефона. Теперь надеюсь, что для журналиста-аристократа, общественного деятеля и лучшего прозаика региона, я недосыгаема.

БАЙКА ПРО ЖУРНАЛИСТА ГРИШУ — 2

Меня вызвал к себе в кабинет директор школы. Я не знала, за какие грехи, и поэтому шла с нарастающим ощущением страха.

За то, что вчера на работу опоздала? Так всего на семь минут, и этого никто не заметил, дети, как мыши, в кабинете сидели, они уже привыкли.

За то что в лаборантской курю? Так не я одна курю. И математики дымят, и историки, а про начальную школу и технический персонал я вообще молчу.

Курят все — а кафедра русского виновата. Вот оно, притеснение русского языка и русской литературы в национальном масштабе и на государственном уровне.

Директор встретил меня с улыбкой. Ага, значит ругать не будут, можно премию просить.

— Садитесь, Елена Викторовна, в ногах правды нет.

Ага, вежливый такой, обходительный, точно премия будет. Незапланированные материальные доходы — это очень хорошо.

— Елена Викторовна, мне тут из газеты журналист один звонил,— директор на столе бумажку,— Григорий Иванович *N*-ский. Оставил свои телефоны.

Он вам не смог дозвониться, Вы, наверное, номера сменили? И домашний, и мобильный?

— Да,— выдавила я из себя.

— Елена, Викторовна, ну как же так? Почему вы в секретариат не сообщили об изменении номеров. Мы вам тоже вчера звонили и не дозвонились.

— У меня вчера был законный методический день.

— Это понятно. Но мне ведь надо держать руку на пульсе и знать телефонные номера всех сотрудников. Григорий Иванович хочет у вас интервью взять и написать,

как вы в Лондон съездили. На Международный Фестиваль русской поэзии и культуры «Пушкин в Британии-2011».

— Я не хочу Григорию Ивановичу ничего давать.

— Надо захотеть, Елена Викторовна. Любое упоминание о нашей школе в прессе — это повышение рейтинга учреждения. Газета у Григория Ивановича серьезная, с самым большим тиражом в регионе, а главное — не оппозиционная, не «Белорусский партизан» какой-нибудь. И потом, Елена Викторовна, если просят — нужно давать. Вы ведь хороший специалист, молодая и интересная женщина. Нужно давать, Елена Викторовна.

Я даже забыла, что хотела премию попросить.

— Да, по поводу премии,— уточнил обходительный директор,— за любое ваше интервью, в котором будет упомянута наша школа, я буду вам премию выписывать. Из директорского фонда. Все, Елена Викторовна, идите на урок, у секретаря оставьте новые номера телефонов.

— Закрыли рты,— рявкнула я на восьмиклассников. Когда меня одолевают тягостные мысли и сомнения, я даю ученикам самостоятельные или проверочные работы. Дети пишут, а я копаюсь в своих мыслях.

— Учебники спрятали, достали листочки. Проверочная работа по домашнему заданию. Я посмотрю, как вы первый и второй акты трагедии «Ромео и Джульетта» прочитали.

— А вы нас не предупреждали, что письменная будет,— кто-то робко вякнул с последней парты.

— Что? О чем я вас должна была предупреждать? Великий Шекспир не нуждается в предупреждениях. 1-й вариант — Ромео и Джульетта. Зарождение отношений.

2-й вариант — враждующие семейства Монтекки и Капулетти.

— Первому варианту всегда легче,— последняя парта опять попыталась выразить недовольство.

— Нет, мой юный друг! Любовь гораздо сложнее вражды. Работаем. Время пошло!

Григорий Иванович *N*-ский — это моя головная и зубная боль одновременно. Нескольких лет назад, когда я стала финалисткой Международного конкурса «Пушкин в Британии» и побывала в Лондоне, Григорий Иванович писал про меня статью. Долго писал. Когда, наконец, написал, очень обрадовался и на радостях пригласил меня в корчму, чтобы отметить это важное событие. Я имела неосторожность принять его приглашение. Гриша (он так сам просит себя называть, чтобы чувствовать вечно молодым и красивым) одарил меня букетом белых хризантем, а после ужина в «Белорусском падворке» подвез меня на такси до моей остановки. Правда, такси было маршрутным. Но Гриша до сих пор настойчиво повторяет, что на такси отвез меня домой.

Каким-то образом про Гришины проделки (корчма, хризантемы, такси) узнала его властная и суровая супруга. Точнее, гражданская жена. А еще точнее — сожительница. Гриша говорит, что это конкуренты из газеты с меньшим тиражом слили про него информацию. У Григория начались семейные неурядицы, а виноватой в этих неурядицах почему-то оказалась я.

Гриша предложил встретиться на нейтральной территории и оговорить тактику поведения

— Каб у тебя и у меня не было неприятностей,— объяснил он.

Мы встретились за корчмой «Белорусский падворак». Там очень хорошая подворотня. Скрытая от глаз наблюдателей и конкурентов.

Григорий был жалок и помят.

— Ты ж пайми, мне нельзя с ней ругацца. Усе на ей: квартира, машина, дача. Она — бизнесменша.

— «Боже, какой Гриша лох! — подумала я,— учит меня жизни, а сам живет в примаках у бизнес-тети и зависит от ее капризов. В семейных отношениях должны быть равноправие и демократия. Как, например, у меня с первым мужем. У нас была полная демократия. Правда, мы разошлись. Но очень достойно разошлись. Мы почти студентами были, нам было нечего делить, и поэтому мы очень равноправно и демократично разошлись».

— Она может тебе позвонить. Только, пожалуйста, не ругайся з ей!

— Откуда она узнала мой номер? — разозлилась я.

Гриша сморщился и скис.

«Понятненько,— подумала я,— Грише захотелось повысить свою самооценку и поднять себя в глазах супруги: учительница, которой Гриша, если не в батьки, то в дядьки годится, заинтересовалась талантливым журналистом и общественным деятелем, ходит с ним в корчму, принимает букеты хризантем, ездит с ним на «такси». Хорошенькое дельце! Теперь весь регион будет думать то же, что и супруга Гриши».

— Зачем ты спалил мой номер телефона?

— Я ничего не палил, она сама твой телефон узнала. По фамилии. Она статью прочитала, ты ж теперь известная. Благодаря моей статье. Гриша стал страдальчески массировать сердце.— И еще... она может на работу к тебе заявиться, с начальством поговорить... ты там предупреди всех.

Я чуть не задохнулась от гнева:

— Гриша, о чем мне предупреждать начальство? О том, что я с тобой в корчму ходила? Бред сивой кобылы! Что ты наплел своей супруге?

— Я не плел... она сама... конкуренты...

— Гриша, не лепи мне горбатого! Ты меня конкретно, не по-детски подставил! Твоя статейка не стоит таких жертв с моей стороны. Мне такая слава не нужна! Кроме неприятностей, она мне ничего не принесла.

— Не кричи... тут везде конкуренты... могут быть... шпиены.

— Гриша, у меня нет слов!..

— Она... эта... когда про тебя узнала... бритвой на полоски порезала мой костюм... импортный... любимый... з Чэхии привез.

Я сразу вспомнила французскую кинокомедию с участием Пьера Ришара. Кажется, «Неудачники». Там главному герою конкуренты тоже режут костюм на полоски.

Но Пьер Ришар — subtilного телосложения, а Гриша с мощной трясушейся биомассой в порезанном на полоски чешском костюме — зрелище не для слабонервных.

Да, многое проясняется. Понятно теперь, почему самый симпатичный спецкор из Гришиной газеты Андрей Копейкин, когда встречал меня в коридорах редакции, смотрел заинтересованно-пренебрежительно и на приветствие насмешливо отвечал: «Наше Вам!». Понятно теперь, почему журналистка Светочка Рудковская, ничего не объясняя, удалила меня из друзей в «Одноклассниках», а при встрече со мной прятала глазки, в которых веселились ехидные бесенята (Пока Григорий писал статью, он вызывал меня в редакцию для уточнения информации не один раз, и я успела пере-знакомиться почти со всеми его коллегами, которые собирались в курилке).

— Гриша! — взвыла я.— Что про меня и тебя можно было узнать, кроме статьи и корчмы?!

Вместо ответа Гриша достал из-за пазухи початую бутылку водки «Офицер» и спросил:

— Будешь?

Бежать в аптечный киоск за валерьянкой было далековато, и я решила воспользоваться гришиным антидепрессантом.

— Давай на лавку сядем, там спадручней,— предложил мой двуликий друг.

После глотка выпитой водки (рюмок у нас не было, и мы пили прямо из горлышка бутылки, а закусывали моей недоеденной плюшкой из школьного буфета, она нечаянно завалилась в сумочке) мне стало легче, и я смотрела на сложившуюся ситуацию уже с комических позиций. Мне с журналистами детей не крестить, у них у самих рыльце в пушку, а я — скромная учительница русского языка и литературы, в редакции больше не появлюсь, и пусть про меня думают и говорят, что хотят эти лицемерные станочники печатной макулатуры.

Гришу тоже расслабил десяток глотков, и он задал мне странный вопрос:

— У тебя якая квартира? Ты одна живешь?

— Гриша, даже не думай! — сразу въехала я в ход мыслей Григория.— Квартира трехкомнатная, но я не свободна.

— Дура ты трехкомнатная,— обиделся Гриша.— Мы б з тобой столько дзел наварочали,— мечтал Григорий,— у мяне ж магчымасць есць,— Гриша поднял вверх указательный палец правой руки,— я б цябе на работу добрую прыстроил.— Гриша поднял указательный палец левой руки,— Гэта табе не абы-што, гэта табе не у школе работаць.

— Гриша, закуси лучше, плюшка еще осталась.

— Што мне твая плюшка?

— Бизнесменша мне не жонка, — загрустил мой друг,— а так сажыцельница, живем пять лет. Мая родная жонка памерла, а усе остальное — гэта не жонки.

Слюни Гриши начинали вызывать раздражение:

— Зачем живешь не с «жонками»? Гриш, не обманывай себя: тебе с бизнесменшей тепло и уютненько, и не надо напрягать себя проблемами насущными, можно отдаться творчеству и журналистике. А тебе ведь этого и надо. Держит на коротком поводке? Молодец, хваткая баба! Гриш, дай мне ее телефон, я сама ей позвоню и все разьясно по поводу «наших с тобой отношений».

— Сам разьярсь як-нибудь,— буркнул мой временный собутыльник.

— Гриш, только объясни все так, чтобы она мне не звонила и на работу не приходила. Поверь, я найду о чем с ней поговорить и вывалю ей столько информации, что она тебе еще два костюма на полоски порежет. Тебе на работу не в чем ходить будет.

— Няма у цябе чалавечнасци, няма,— обиделся Гриша.

— Возможно. Вам, журналистам, сверху виднее. Вы ведь власть. Не помню, пятая или шестая по счету.

Эти события двухлетней давности я вспомнила, пока дети писали проверочную работу по трагедии Шекспира. Несколько месяцев назад, перед поездкой в Лондон, я сменила телефоны, так как у меня с Гришей возникли идеологические разногласия.

С какой целью Гриша опять меня нашел?

В партию «Гэй, братки-славяне!» он меня уже приглашал.

Стихи мои уже опустил ниже плинтуса.

Сборником, своим 15-летним трудом, успел похвалиться.

Статейку про меня уже писал.

В корчму водил, и даже на такси катал, правда, маршрутном.

Какой еще сюрприз готовит мне судьба в лице талантливого журналиста и общественного деятеля Григория Ивановича N-ского?

После работы проверяла детские сочинения, написанные учениками дома. Тема: «Книги, которые бы я взял(а) с собой». Богатством фантазии работы не отличались, у учеников даже не хватило ума попросить родителей исправить ошибки, я ведь пре-

дупредила, что оценки в журнал буду выставлять. Мое терпение лопнуло, когда у одного сочинителя я нашла три любимых произведения:

1-я книга — Глухарь. Часть 1-я — Висяк.

2-я книга — «На зоне или От зари и до зари нам кукуют звонари».

3-я книга — Побег из Владимирского централа.

У девочек список любимой литературы тоже не отличался разнообразием, у юных леди самыми рейтинговыми были некие романы:

1. Очаровательница.

2. Интриганка.

3. Хозяйка нефтяного замка.

О современных авторах, написавших эти «шедевры», затуманившие мозги моим ученикам, я даже не слышала. Я не очень хорошо знаю современную прозу, мы ведь по русской литературе в основном классику изучаем.

Раздался звонок. В трубке я услышала до боли знакомый голос:

— Ну, привет! Што сбежать хотела? Врешь — от Гриши не уйдешь!

Я поняла, что три оставшиеся стопки ученических работ я уже сегодня не проверю.

Журналист Гриша — это фантом. Это некий злой дух, который преследует меня уже в течение нескольких лет. Было бы разумнее положить трубку, но я продолжаю слушать Гришу:

— Подвела ты меня тады, крепко подвела. Мы з хлопцами цябе ждали-ждали... а ты, як у той песне: «Я прыйшоў — цябе няма, падманула, падвяла». Я тады думаю: ну, афирыстка, я ей путевку в свет дал, статью на целый разворот в цветном варианте написал, мы такая статья пра членов Саюзу... и именитых письменников пишам. Я цябе, можна сказать, у людзи вывел, а ты мне испортила культурное мероприятие. Перед минскими хлопцами неспадручна.

— Гриша, у меня были форс-мажорные обстоятельства.

— Да, ладно, я чалавек добрый, забыл. Чтоб идти в будущее, надо разрушить прошлое. Если смотреть назад — не пойдешь наперёд. Ну, як табе?

Я поняла, что Григорий усиленно повышает свое самообразование: дочитал «Кодекс строителя коммунизма» и взялся за Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей».

— Чаго змолкла? Ладно, бяры свои дипломы и прыязджай, буду пра цябе писаць. Можна што з твоих стишков или рассказиков напечатаем. Жду!

Да, Григорий грамотно поиграл на моем тщеславии, и я поехала в редакцию. Я даже взяла с собой бутылку ликера «Бейлиз», купленную в лондонском аэропорту Гатвик.

Я устала от гришиных напоминаний о статье трехлетней давности, которая «вывела меня в люди». Может, бутылка «Бейлиза» поможет рассчитаться с Гришей за его благодеяния. Три месяца назад эта бутылка стоила четверть моей учительской зарплаты, сейчас, в связи с непрекращающейся гиперинфляцией, цена бутылки ликера «Бейлиз» — половина моей зарплаты. Я просто не смогу выпить такой дорогой напиток. Это мне не по карману. А Гриша пусть пьет.

Ликер я решила отдать Грише сразу, так как догадывалась, что, поговорив с ним пять минут, разобью или выброшу дорогой напиток, если не успею его выпить сама.

Гриша, увидев бутылку, причмокнул:

— Хороша ложка к обеду,— он собирался открыть бутылку и хлебнуть дорогой напиток.— Дык у нас сейчас обед,— объяснил Гриша.

— Григорий, не смей,— возмутилась я,— это очень дорогой напиток, его можно только с министрами и депутатами пить. Я назвала стоимость продукта.

— Ух, ты! — крикнул Гриша.— Дык... эта... я тоже депутат... скоро буду. Баллотируюсь. Мне нужна хорошая команда. Ты хоць троху афирыстка, но мне подходишь. Нам такие люди нужны. Доверенным лицом будешь.

Я поняла, что Гриша и не собирался писать про меня и про конкурс, он просто вербует рекрутов в свою избирательную команду.

Жаль, что я отдала ликер раньше времени, лучше бы разбила о его чугунную голову.

В кабинет постучали, и вошел «юноша со взором горящим». В его горящем взоре было что-то фанатичное. Да, такие за идею бросятся в прорубь.

— Гэта Алесь, — познакомил нас Григорий. — Алена. Ну, может, в сотрудничестве и полюбите друг другу. Дело молодое, — подмигнул нам Григорий.

По взгляду юноши было видно, что он согласен полюбить меня, и даже мою маму с бабушкой, если Родина скажет. Такие юноши в зрелом возрасте чаще всего становятся циниками или обычными пьяницами.

Бесшумно в кабинете появился следующий сотрудник гришиной команды: некто Коля. Молчаливый господин лет 35—40. Он был спокоен и невозмутим. Наверное, бывший работник спецслужб, — подумала я. — Да, этот не будет бросаться в прорубь, он, притаившись за углом, тихонько воткнет нож, и никто следов не найдет.

Какие неординарные личности, — думала я, — и где только Гриша откапывает таких? Я чувствовала, что меня скоро стошнит: и от Гриши, и от его команды, и от собственного тщеславия, на котором мастерски играет Григорий.

— Гриша, я — политически и социально отсталый элемент и поэтому не смогу быть твоим доверенным лицом. Я ни во что не верю, ничего не хочу, я анархистка, индивидуалистка, аферистка и пройдоха, каких свет не видывал. Я никогда не буду печататься в твоей газете, я никогда не буду членом Союза... Я обещаю, что ты и твоя газета обо мне не услышите, только прошу об одном: оставь меня в покое. Навсегда.

Под гнетущее молчание я вышла из кабинета.

Виктор Рябинин
(г. Мозырь, Белоруссия)

ДРЕВНИЕ ГРЕЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Родился в 1948 году на Псковщине. Жил и учился в Латвии. Окончил Калининградское высшее военное училище. После увольнения из Армии в 1982 году работал: от кочегара на Крайнем Севере до помощника капитана теплохода на Припяти. Впервые опубликован в издательстве «Фортуна» (г. Рига). В 1997 году принят в Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Автор книг юмористической прозы «Жизнь есть жизнь» и «Леди в бане».

ОЛИМПИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Да, завидная жизнь началась у богов на Олимпе с изобретением рода людского. Всякий был при деле, у каждого не пыльная работенка управленца средней руки. Париться-то особо не приходилось, ведь всем миром заправлял Зевс. Где надо — подгонит, где не надо — подскажет, а то и вовсе возьмет в оборот на зависть другим богам. Кого хочешь парой-тройкой молний угостит до полного изумления в очах. Пришколит нерадивого. Учись, мол, сам и помогай бескорыстно ближайшему родственнику. Иначе богини судьбы, в чьем ведении рок не только смертных, но и богов, враз ниточку жизни перережут, не тот жребий бросят, да еще и в книгу судеб все твои деяния занесут. Вовек не отмоешься в царстве Аида. Ни кипятком, ни смолой горячей, ни словом хвалебным в адрес свой. Вот как складно все продумано на Олимпе!

Сам верховный правитель Зевс восседает в золотых чертогах на золотом же троне. Золотишко-то уже тогда входило в моду. Сидит и управляет подчиненными богами и, естественно, людским племенем. А вокруг трона толпится кучка самых любимых родственников, нахваливая мудрость и руководческий талант Зевса. В ближайшем окружении и жена его, по совместительству родная сестрица Гера, и прекрасная родственница Афродита, и могучая дочь Афина, и златокудрий Аполлон с сестрою Артемидой. Это все любимцы Зевса. Другие-то обочь стоят, очереди к трону дожидаются.

Денно и ночью трудятся боги, то есть пируют напропалую, решают между делом всяческие мирские дела. Ведь то время года на земле сменить надо, то уровень воды в реках проследить, то сенокос организовать или, скажем, те же зяби перепахать заставить. Главное же — кое-кому из людишек жизнь то ли укоротить, то ли лишнего прибавить, вплоть до бессмертия. Не жалко, лишь бы человек был в меру хороший. Вот в таких трудах и проходят олимпийские будни, благо весь Олимп окутан облаками и не доступен пытливому взгляду землян.

А уж едят и пьют небожители лишь амброзию и нектар. К кутье не притрагиваются и просфорками не балуются. И ни-ни скоромного. Лишь амброзия и нектар, нектар и амброзия. Сам Зевс даже вкус козьего молока забыл. Токмо нектар! Кстати,

у критской козы Амалфеи, чьим молоком был вскормлен Зевс, пообломали-таки рога. А один из них превратили в рог изобилия. Ну, боги, ну, что ты! А доверив тот козий рог богине Фортуне, олимпийцы не просчитались. То есть взвалили на нее вполне посильную ношу. И стала богиня из рога изобилия одаривать людишек своими благами и другими приятностями. Порой, правда, ссыпая не туда, куда надо. Да и то! С Олимпа до всех не дотянешься. Иной раз и к хорошему с виду человеку задом оборотиться приходится. Но зато каким! Олимпийским!

Но не только пищу богов вкушают олимпийцы. Не хлебом единым, как поговаривают человечки внизу на земле. Прекрасные в вечном цветении своем музы и грации услаждают их слух песнопениями, а взоры танцами. И такие хороводы устраиваются вокруг пиршественных столов, что боги ликують, впадают в послеродовой транс, а из рога изобилия, по недосмотру Фортуны, перепадает роду людскому кое-что лишнее. Тут и не к месту урожайный год, непредсказуемый приплод овец и баранов, а то и вовсе никакого людского мора и падежа надежд на лучшее на грешной земле. Такая вот несусветная неурядица происходит.

А грации и музы тем временем, взявшись за белые руки, затеивают все новые и новые пляски, поют сладкоголосо новые гимны на два голоса и разыгрывают сцены из семейной жизни небожителей. И так-то радостно на душе у Зевса, что его юная дочь Геба и Ганимед, сын царя Трои и причисленный к лику бессмертных, едва поспевают подливать нектар в кубки и наполнять подносы амброзией, благо урожай последней на Олимпе обильные.

У ног Зевса два постоянно действующих сосуда. С добром и злом. Из какого хочет, из того и плеснет на землю. И горе человеку, преступившего зевсовы законы. Черпнет из сосуда со злом, смежит очи, выпустит огненную стрелу — и враз человеку небо с овчинку покажется. А ведь прав громовец! Не пустыми разговорами и подарками земельных наделов правил, а крутым и справедливым действием. К тому же, строгая богиня Фемида всегда была рядом с троном, всегда могла судить строго и не подменяя гирьки на весах судьбы. Мол, никаких поблажек, никаких нащептываний на ушко даже со стороны Зевса, а что до подношений жертв на лапу... Словом, не приземленное это было судилище. Олимп как-никак!

Вот и царит Зевс в окружении сонма богов, блюдя порядок во всем подвластном ему мире. И вроде бы наступает полная идиллия и сопутствующая ей божья благодать...

ЦАРСТВО ПОДВОДНОЕ

Как помнится Древнему Греку, седой Океан, бог-титан, ринувшийся в удачное время на подмогу Зевсу в битву супротив Крона, на этом этапе борьбы за власть и успокоился. Устал, видимо, от земных склок и дрязг, а посему и удалился от мирских дел, поселившись на самом краю земной твердыни. Может, завел какое хозяйство, может, просто пенсионно отдыхал, потешая себя бурями и другими водными феериями в виде всемирных потоков.

Видя такое бездействие старикана, Зевс перетолковал со своим братцем Посейдоном и, в результате приватного разговора, последний согласился на пост колебателя морей. Вооружившись грозным трезубцем, Посейдон упорядочил и круговорот воды в природе, и прочие движения жидкостей по всему периметру земной тверди. А чтоб не отстать от олимпийского братца, в пучине моря отгрохал себе великолепный дворец, как какой-нибудь рядовой олигарх наших дней. То есть, не стеснясь. Стал жить помаленьку. Лишь иногда, устав от морских дел, Посейдон запрягал своих подводных коней в колесницу и мчался к берегу, чтобы отдохнуть на солнышке прямо

на гальке, понаблюдать за суетной жизнью на земле, а то и просто потолковать с кем попало из богов о житье-бытье. И вот как-то занесли его кони на остров Наксос. Аккурат в какой-то праздник. А у богов и их подручных в те славные времена, считай, что ни день, то и праздник. То опять же пляски с песнопениями, то трудовые будни с пирами. В общем тут тебе хороводы по всему острову и сплошь косяком красавицы, аки стерлядки в подводном мире. И не устоял соблазну Посейдон — влюбился в одну из прелестниц. Да до такого самозабвения, что решил тот же час умыкнуть в свой дворец длинноволосую безо всякого родительского благословения и даже приданого. Но не тут-то было!

Красавицу ту звали Амфитритой и была она дочерью вещего старца Нерея, который сам обретался в морских пучинах и знал все тайны будущего. Ну, почти все, ибо хоть и успел упрятать доченьку у держателя небесного свода титана Атланта, нашел-таки ее Посейдон. Может с месяц всего и поколесил по прибрежным пескам, Лукоморьям да дичавшим в безлюдье островам. И не только что нашел, но и умчал ее в подводный свой замок. Да девица-то особо не сопротивлялась. Может, так задумано было, может, природа брала свое, а может, просто помнила, что у старца Нерея их-то пятьдесят дочерей и все на выданье. Кто ж тут правду скажет. А здесь партия складывалась благоприятная — и жених заморский, и палаты царские. Кто устоит? Что с того, что уха круглосуточно и прочие яства без нектара? Зато чертоги, преклонение обитателей глубин и прочая благодать подводной цивилизации. К тому же сестрицы по семь раз на дню в гости стали заглядывать, радуясь белой завистью замужеству Амфитриты. Да и батюшка всегда под рукой, так как устроился на службу к самому Посейдону. Вон и другие боги, рангом поменьше, за советом к Посейдону заскакивают. Все при деле и с новостями. Кто за приливами-отливами приглядывает, а кто и за кораблями следит. Где вода, там всегда особый догляд требуется. Поэтому все к Посейдону спешат, чтоб лишний раз в самостоятельном решении не промахнуться. А иной раз и сама Амфитрита что-нибудь путное присоветует по хозяйственной части. Не все же время с дельфинами резвиться да урезонивать сынка Тритона, чтоб отпрыск лишний раз громовым звуком совей трубы из морской раковины не вызывал бурю или иной морской катаклизм.

Словом, душа в душу живут и правят Посейдон с Амфитритой. Главное в умиротворении и вдали от не в меру расплодившихся людешек. Разве что мореходы порой донимают. Бороздят и бороздят своими углыми челнами водную гладь. Все что-то ищут, что-то открывают. И чего дома в сухости не сидится? Вот и приходится самым назойливым укорот чинить. Лодку перевернул — и концы в воду на радость придонным обитателям. А так-то все тишь да гладь. Все спокойно. Под водой-то.

ЦАРСТВО ПОДЗЕМНОЕ

*Тихо душа, излетевши из тела, нисходит к Аиду,
Плачась на жребий печальный, бросая
и крепость и юность.*

(Гомер. Илиада. Песнь 16)

Хорошо и привольно Зевсу под солнцем на великом Олимпе. Всякий час проходит в радости и наслаждениях. Неплохо и Посейдону. В морских пучинах. Тоже жизнь бьет ключом истоков водной сути бытия. А вот какво Аиду, третьему брату великих богов? Ведь царит он в страшном подземном мире среди вечной тьмы и ужаса смерти, где только блеклые тени покойников, теснясь в этой юдоли скорби, своими стенаниями и горестным плачем лишь усиливают тоску одиночества и наго-

няют замогильный страх. Без веселого журчания струят по загробным владениям Аида свои мрачные воды Стикс, чьими волнами клянутся сами боги, Лета, дающая забвение всему земному, да Ахеронт. Через который старый Харон безвозвратно перевозит души умерших в царство Аида. А души рыдают и стонут, и бьются о борт челнока перевозчика. Но суровый Харон даже не удостоивает их радостью последней беседы, а умело и привычно сопровождает их в ад. И нет более возврата хоть какому-нибудь существованию, но лишь бы на земле, лишь бы под небом. Тем более, что выход из подземелий сторожит страшнейшая в своей злобе псина — трехголовый Цербер с ужасными змеями вместо ошейника. Змеи злобно шипят, Цербер яростно оскалится, а Харон молчаливо неумолим. Нет возвращения назад, как бы ни складывались ваши дела в подлунном мире. Ни ордена, ни деньги, ни иные заслуги и рачения перед отечеством не помогут найти обратной дороги...

Аид же, восседая в своих чертогах на золотом троне, окружен толпой ближайших помощников. А как же? Хозяйство огромное и в одиночку при такой бесперебойной работе Харона никак не справиться. Денно и ночью трудится старик. Ведь на земле то войны, то глад и мор за грехи, а то и просто человечья старость не ко времени. Только и успевай веслом махать!

Рядом на троне с мрачным царем подземелий сидит его жена Персефона, которая даже в свой медовый месяц содрогалась от ужаса, видя весь ад будущих владений. Но всю правду об этом — позже. Потом-то Персефона свыклась с царством смерти. Тем более, что верховные правители зачастую как бы и ни причем. Ведь для грязных дел особо искать заплечных дел мастеров и подмастерий почти не приходится. Сами дорогу к корыту находят.

Вот, например, бог смерти Танат. С мечем в руках, в черном плаще подлетает он на огромных смрадных крыльях к ложу умирающего и срезает с его головы прядь волос, тем самым исторгнув из несчастного дух. Рядом с ним всегда носятся кровожадные Керы, полубогини несчастий. Особенно усердствуют они над полями битв человеческих и радуются числу сраженных воинов. А к раненым, чтоб не успели и подумать о жизни, Керы слетаются вороньем и пьют их горячую еще кровь. Мало того, нечистыми своими когтями они вырывают из груди душу поверженного, чтобы и следа не осталось от него на земле. Очень страшны Керы в своей ненасытности и дикой злобе к людскому племени.

А жуткое привидение Эмпус? Ведь это оно, чудовище с ослиными ногами, прародитель сонма вампиров, заманивает людей самой темной ночью в укромное место и не только выпивает у них теплую кровь, но и пожирает душу вместе с еще трепещущим в муках телом. И редко какому человеку, бредущему во тьме своей дорогой, удастся избежать могильной хитрости оболщания Эмпуса.

А подобная кроткой женщине чудовищная Ламия? Это она пробирается в спальни счастливых матерей и крадет у них новорожденных. И не ради выкупа или иных забав, а заради собственного пропитания. И чем более голодна Ламия, тем более требуется ей человеческих младенцев и их безгрешной крови. А потому жадный рот чудовища всегда обгажен этой самой кровью малюток. И горе женщине, не заботящейся о потомстве или попирающей законы материнства!

А рядом с преступниками обеих полов человеческих всегда находятся неумолимые богини мщения Эринии. Это они, вооруженные бичами и змеями, преследуют провинившегося пред земным бытием и терзают его угрызениями совести, порой до срока вгоняя в могилу. И нигде не скрыться от них. Рано или поздно, но находят Эринии свою жертву. Бывает, что поздно, но это не их вина. Очень много у людей зависти, злобы, кровожадности и коварства по отношению к себе подобным. Много никчемной энергии разрушения, а потому так велико количество разной прочей нечисти в подземном мире.

А над всей этой сворой адских чудовищ и вампиров стоит главная их богиня — трехголовая беспощадная Геката. И посылает она ужасы и гибель на землю, сама блуждая со свитой этой нечистой силы во тьме среди кладбищенских могил и жилищ еще живых людей. И страшно встретиться с нею простому человеку. Да и сложного она не очень-то щадит. Все до времени, как говаривал Древний Грек.

И только один подчиненный Аиду молодой бог Гипнос относительно безвреден для людского племени. Это именно он неслышно носится на крыльях над землей с головками мака в руках и льет из своего рога снотворный напиток. Своим чудесным жезлом касается Гипнос век смертных, погружая их в сладкий сон. И даже самого Зевса он может сморить дремотной немощью. Хороший бог Гипнос, но нет у него последователей во владениях Аида. А потому-то и ужасно, и смрадно это царство, и ненавистно оно людям. Хотя без него не было бы полной правды жизни и ее неизбежных последствий.

УЗЫ СЕМЕЙНЫЕ

Всякий знает, что семья — это святое, это ячейка, это союз, хомут и путы. И особенно для мужского пола. Будь ты хоть бог, хоть царь, хоть просто герой не ее романа. Поэтому многие не смиряются с границами оседлости в окольцованном пространстве, стараясь утвердить себя в глазах общества благородными поступками продолжения рода не только в ложе моногамии. Хотя это чревато, и порой выходит боком с неожиданной стороны. Можно, конечно, тайком и тихой сапой творить путь к клубнично-ягодным местам, ежели существуешь в подкаблучном мире. Но можно и безоглядно в омут с головой, коли за тобой сила власти и решительность первопреходца. Однако, в том и другом случаях всегда получишь по заслугам, о которых и сам не ведаешь.

Вот так и с Зевсом. Уж больно он прыток до любовных утех, как свидетельствует об этом все тот же Древний Грек. И спасибо на том громовержцу. Ведь с тех самых пор и любой смертный поимел неодолимую страсть к перемене мест приложения сил и усердия, вплоть до полного полового безобразия или даже смены региона гнездования. Но это так, к слову горячему от поцелуя.

И так, в бытность противостояния Зевса Крону, матушка Рея, выхватив из уст мужа-пожирателя времени и собственных детей дочурку Геру, отнесла ее на край земли к соседу Океану. Словно предвидела будущие войны между сыном и мужем за власть. И правильно делала. Войны-то разразились, а малютка Гера под присмотром седовласого и верного титана так и воспитывалась в тиши и спокойствии, не ведая о междоусобицах на Олимпе. Вот и выросла эта волоокая и лилейнорукая богиня в кротости, целомудрии и почтении к старшим. Тем более что судьбой было ей предначертано покровительствовать браку и охранять нерушимость и святость этих самых брачных союзов. Но на беду ли, на счастье ли узрел с небес Зевс сестрицу свою в самом репродуктивном возрасте и воспылил неземной страстью. Да и сама Гера не прочь была ответить, ведь любовь зла...

Вот при таких обстоятельствах и похитил Зевс Геру у Океана, доставив на Олимп, затеял Роскошную свадьбу, затмившую великолепием былые пиры. Гостей из богов было немеряно, как и славных подарков. Даже сама прародительница Гея из недр своих в презент новобрачной вырастила дивную яблоню с золотыми плодами. И до того все восхваляли Геру и превозносили ее достоинства, что даже тучегонитель Зевс в свадебной горячке преподнес ей невиданный подарок в виде громов и молний. То есть необдуманно поделился властью. А ведь зря! Может, и медового месяца не прошло, как новоиспеченная супруга стала совать нос в дела мужа, не к месту давать

советы, и вообще начала проявлять извечную бабью изворотливость в верховодстве над человеком, а тем более заглавным богом.

Зевс долго терпел такое панибратство в государственных делах управления миром, но однажды слегка вспылал. Но не на словах, кои были для Геры словно горох об стену, а на деле. Сковал он многоумную свою женушку золотыми цепями, да и подвесил между небом и землей. А чтоб не сучила ножками и зряшно не голосила, подвесил к ее нежным конечностям две наковальни, а самое длинноволосое создание подверг бичеванию в глазах всего Олимпа. Словом, был строг и справедлив, как любой здравомыслящий мужик.

После этой порки супружница притихла и затаилась, а Зевс стал зорко поглядывать окрест и погуливать налево и направо. Может, наоборот, но пока что тайком от приструнившейся Геры. Хоть и божья семья, но видимость приличий соблюдать приходилось. Это вам не разгул страстей среди смертных. Это политика с позиции силы в рамках нравственной вседозволенности.

В одной из прогулок в окрестностях владений Зевс заприметил опытным оком красавицу Ио. Хоть и не знатного рода девушка, но чудо как была хороша. Правда, говорлива не в меру. И вот, во-первых, чтобы днями лишний раз не усладить слух речами прелестницы, так как ночью какие разговоры, кроме междометий, а, во-вторых, чтобы сокрыть девицу от глаз любимой Геры, Зевс превратил прекрасную Ио в белоснежную корову. Мол, пусть днем на лугах пасется, а в иное время суток занимает положенное стойло. Все бы ничего да проведала о таких метаморфозах Гера и потребовала от мужа подарить ей сие парнокопытное. Зевс, то ли хватив лишку нектара, то ли объевшись амброзией, но корову таки подарил жене на добрую память. А Гера тут же учинила над скотинкой строжайший надзор в лице стоокого Аргуса. И какая тут любовь и нежные свидания? Никакой! Корове — жвачка, а опаматовшемуся Зевсу муки уже неразделенной любви и угрызения совести. И тогда призвал великий Олимпиец своего добрачного сына Гермеса и велел освободить коровенку. Сынок свои кривым мечем снес стоокою башку соглядаята, а безгласое животное выпустил на свободу. Тут бы любовникам живи и радуйся. Ан нет! опередила Гера Зевса. Наслала она на бедное жвачное чудовищного овода. И погнало чудище коровку из угла в угол по всей земной тверди, поминутно изголяясь над нею, то есть, жая во все доступные места. Лишь в Египте насекомое успокоилось, видимо выбившись из сил. И только там, на берегах Нила, сыскал Зевс несчастную и вновь вернул ей человеческий облик, попутно наградив ее бременем, разрешившись от которого, Ио родила Эпафа — первого царя Египта. Так, относительно счастливо разрешились эти любовные страдания. Но это была и первая в истории месть жены неверному мужу. Благо до наставления рогов дело не дошло. Воспитание не позволило.

На этом акте возмездия Гера почти успокоилась. Потому как следующую полюбовницу Зевса Латону, уже беременную будущим златокудрым Аполлоном, она с помощью дракона Пифона гоняла по земле всего ничего. Лишь до носившегося по бурным морским волнам скалистого и голого острова Делоса. А затем, видя, что муж не унимается, бросила пустопорожнее преследование любвиобильных дам и занялась своим божеским делом — благоустройством семейных очагов землян. А что до Зевса, то не только Гермес, Аполлон и, скажем, Артемила получили от него прописку в жизнь, но и многие иные небожители и герои Древней Греции. Старательный был бог и плодовитый. Правда, дочь свою Афину родил сам. Без посторонней почти помощи, но уж таким садомазохистским способом, что об этом надо говорить особо и в свою очередь.

